

18+

Сергей
АЛЕКСАНДРОВ

**"И МУЖЕСТВО НАС
НЕ ПОКИНЕТ"**

Сергей Александров

«И мужество нас не покинет»

«Издательские решения»

Александров С. В.

«И мужество нас не покинет» / С. В. Александров —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962742-1

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Эта
книга — стихотворно-публицистическое завершение предыдущей книги
«ВРЕМЯ ПАМЯТИ». Автор чётко и недвусмысленно обозначает свою
гражданскую позицию, своё отношение к недавней истории и к современным
событиям, происходящим как в его стране, так и в мире. Неравнодушие,
сострадание, нетерпимость к несправедливости, фальши и предательству
роднит произведения этой книги с другими, ранее выпущенными книгами
этого автора.

ISBN 978-5-44-962742-1

© Александров С. В.
© Издательские решения

Содержание

ЧАС МУЖЕСТВА	7
01.08.1939	7
Осень 1941	8
Начало	9
Монумент в д. Нелидово	10
О тылах	11
Сны старого солдата	12
Несбывшийся вальс	13
Поминальный стих	15
Отцу	16
Памяти отца	17
Отзыв	18
Мир наш	19
На смерть солдата-ветерана	20
Всем, дожившим до Сегодня	21
Последние Ветераны	22
Всем вам, кто пишет о ветеранах и о войне	23
Мы. Те, которые – от Москвы, через Клин, до Берлина	24
ВОЙНА И МЫ	25
Мир. Без двух минут...	25
От войны – до войны	26
Ответ на стихотворение донбасской поэтессы Ирины Горбань «О человечности»	27
Щастя	28
Вспоминание мёртвого снайпера	29
Война	31
Просто – солдат	32
Враги и друзья	33
МИР НАШ	34
Доброе утро. Начинаем нашу...	34
Память беды	35
Русский характер	36
Памяти Сергея Бодрова	37
Выбор	38
Всё, что могу	39
Маме	40
Памяти мамы	41
Раскаяние	42
Другу юности Погодину А. С.	43
Другу	44
Непозабывтому другу	45
Про особенности русского слова	46
Язык России	47
Потом...	48
Политика и публицистика	49
Ещё раз о таком простом понятии как патриот	49

Конец ознакомительного фрагмента.

53

«И мужество нас не покинет»

Сергей Васильевич Александров

© Сергей Васильевич Александров, 2019

ISBN 978-5-4496-2742-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАС МУЖЕСТВА

01.08.1939

И листья падают неслышно.
И ветерок в ветвях чуть дышит.
И дождик шелестит по крыше.
И удивленная луна
Глазеет из-за туч украдкой.
По лужам цокает лошадка...
Весь город спит – тревожно-сладко.
Как будто поутру – Война...

Осень 1941

Стояли сны, заиндевели,
В сугробах синего рассвета.
И на пригорке старый леший
Прощался с запахами лета.

И солнце вновь свершало муки
Рожденья в тусклом небосклоне.
И у берез поникли руки,
И морды вскидывали кони,

Глядя вслед стаям журавлиным
И ветру, что бежал за ними...
И исходила паром глина,
И осень превращалась в зиму...

Вновь непонятное явление
Пороши рыжей ворожило —
И листья падали на землю.
И мы пока что были живы...

Начало

За ночь постаревшие матери тихо
На станции спины сыновьи крестили;
А те, бесшабашные и молодые,
Смущались своих матерей.

И жены на шею кидались с криком,
О чем-то просили, о чем-то молили.
Опустошенные и неживые —
Долго смотрели вслед.

А деды седые ломали фуражки
В негнущихся пальцах; и мелкой крупой —
Слезы катились и губы дрожали.
Предательски. В первый раз.

Ненужный оркестр «Прощанье славянки»
Играл, – и фальшиво сипела труба.
Мальчишки между вагонов играли
В войну... Начиналась война.

Монумент в д. Нелидово

(Волоколамское шоссе)

Солнце запуталось в соснах.
Камни молчат – немые...
Здесь
Насмерть
Стояли
В грозном,
В сорок первом – живые...

Живые люди —
Поэты,
Строители
И солдаты.
Взрывали армады железа
И – гибли.
Не шли на попятный.

Железо вонзалось в камень,
Камень вплавлялся в тело...
Но люди
Стояли
Насмерть.
И пахло живьём горелым...

Сожженные
И раздавленные.
Снесшие муки любые —
Погибли они когда-то,
Чтоб
Жили
Сейчас
Живые.

1979—2009

О тылах

(рассказ солдата)

Воя, падают бомбы, плоть раздирая и души.
Где голова, где – ноги... Забиты землею уши.
И кровожадно водит хоботом смерть с крестами —
За ней уже – пол Европы. Полмира... А что за нами?
Что за моей спиной? Какая за мною сила?..
Рыхлая стенка окопа,
Да под ногами – месила
Из крови, гильз и шинельки,
И мертвого командира:
Досталось ему шрапнелью —
И жить не достало силы.
Еще за мной – старый «сидор»,
Где два сухаря, тушенка,
Кисет с буквой «В» – Василий;
Рукавчик от распашонки —
Жена мне с письмом прислала,
Сказала, что – сын, как ждали...
Кому-то, наверно, мало.
Но это – сильней медалей,
Сильнее речей геройских,
Сильнее смертей всех вместе!
Пусть прет на меня всё войско...
Давайте, поближе лезьте,
Чтоб больше вас всех скосило,
Пощады чтоб не просили!...
Спасла меня сына Сила...
И, значит – спасла Россию.

1981—2008г.г.

Сны старого солдата

Всё о ней, о проклятой —
Пусть была и давно...
Шли в атаку солдаты
В чёрно-белом кино:
Взрывы, сполохи, пламень,
Смрадный дым до небес...
И остался на память
В пни расстрелянный лес:
Где воронки – озёра;
Где оврагом – окоп;
Где ручей невесёлый
Упирается в лоб
Ржавой башне. И птицы
Там не вьют своих гнёзд —
Видно, тоже им снится
Шелест павших берёз...

Несбывшийся вальс

(Забитый фотоальбом в доме на снос, или сослагательное наклонение в истории)

Вот старый альбом.
Вот фото. На нём:
Стоишь ты, она присела.
Такой бравый вид,
И взгляд – как гранит.
Она же – в венчальном белом.
Бьют волны в причал;
И ты ей кричал
Слова сквозь салют прибоя.
Там, в жизни другой,
Ты верил в любовь...
А здесь – шёл на дно с конвоем.

Вот писем штук пять,
И в клетку тетрадь,
Засохший листок кленовый.
И думали вы —
Не будет беды;
И жизнь начинается снова.
Она – молода.
Так будет всегда.
И вальс – среди яблонь белых —
Там, в жизни другой,
Кружила с тобой...
А в этой – ты был расстрелян.

Откроется шкаф:
На плечиках – шарф,
И китель под ним в наградах.
А ты – вспоминал,
Как жару давал!
И гнал ты врага как надо!
И вдруг – медсанбат,
Её нежный взгляд,
И губы – спелей малины...
Там, в жизни другой,
Пришёл с ней домой...
А здесь – ты лежишь под Клином.

Студентка – она.
А ты – ни хрена
Не смыслишь в тычинках этих!

Тебе б – в самолёт,
Да снова в полёт.
А лучше бы – на ракете!
Она будет ждать,
Встречать, провожать...
А дальше – приёмы, фраки.
Там, в жизни другой,
Ты – просто Герой...
А в этой – исчез в ГУЛАГе.

Вот – старый альбом...
События в нём
Все выцвели. В пятнах ржавых.
Кому нужен он?..
Лежит под столом
Эпоха другой державы.
А помнишь года,
Лежал он когда
На видном, почётном месте?
И крутится мысль —
Не там родились...
Ведь – если бы... Если б... Если...

И, как старый диск,
Всё крутится мысль:
А вдруг, где-то – там... А если б...

Поминальный стих

(Ветеранам)

Пусть мертвые встанут... И встанете вы —
Их тень рядом с вами видна.
Пусть мертвые встанут, помянут живых,
И память осушат до дна.

Пусть встанут живые. И пусть помолчат.
Пусть годы слезятся из глаз...
А мертвые – выпьют за вас.
И за нас – за ваших сынов и внучат...

Отцу

(Тряпкину В. И.)

А если б – тебя убило,
Как и других отцов?
Тогда бы Земля остыла
Под холодом мертвецов;
И стал бы тогда отцом мне
Тот, кого нет сейчас;
Который – под серым камнем...
На камне – даты и часть.
Звезда. И слова простые.
И каплями жизни —мох.
И снятся всё сны о сыне
Тому, кто дойти не смог...

Памяти отца

Ты страх оценивал лишь боем
И перекрестьем на броне.
Ты не считал числа пробоин,
И километры по стерне.
Была в привычку непогода,
И с кровью – снег. И с пеплом – пот...
Ты не хотел, чтоб был хоть кто-то,
Который это не поймет.

Ты все хотел дождаться внуков,
Хотел услышать: «Дед, а дед...»
И ты кусал от боли руку,
Когда гремел салют побед.
И, отвернувшись к стенке ночью,
Подушкой слезы оттирал...
А утром – так вот, между прочим,
Ты говорил: «Прекрасно спал!
Лишь духота была в заботу...
А на подушке? – Просто пот...»
И не хотел, чтоб был хоть кто-то,
Который это не поймет...

А годы мчались. Все тревожней
В окно выглядывая нас,
Ты ждал. Устало и надежно.
И не дождался только раз.
В последний раз – к орудию сходу!
В последний раз шепнул: «Вперед...!»
Я не хочу, чтоб был хоть кто-то,
Который это не поймет!

Пусть проклят буду я тобою,
Когда вдруг встану в стороне!
Ты страх оценивал лишь боем
И перекрестьем на броне.

ОТЗЫВ

на комментарий к стихотворению «Памяти отца» поэтессы Эльвиры Гоник (умерла 13 декабря 2012 от сердечного приступа...). Она тоже была из того поколения, чьи отцы прошли эту страшную войну. И она тоже писала об этом...

Но... что-то связывает нас,
То поколение:
К нам в сны приходят каждый раз
Войны мгновенья,
Обрывки памяти чужой,
Несносной боли...
Контужен... Пулею сражён...
Сгорел в неволе... —
Душа с душою сплетены
В частотных герцах —
И отголоски той войны
Стучатся в сердце...

Мир наш

Молчит весенний переулоч,
Стыдась чужой вины.
Костыль уперся в землю дулом,
Уставшим от войны.

Рука его сжимает строго —
Как старый автомат;
Стуча, выходят на дорогу —
За мир, что с боем взят...

На смерть солдата-ветерана

*«Мы знаем, что ныне лежит на весах,
И что совершается ныне...»
А.А.Ахматова*

Вот еще один умер солдат,
Пережив свой последний бой.
Не по мерке больничный халат
Как шинель – распластал под собой...

И остался еще один сын
Без отца. И в тревожной мгле
Снова вздрагивают весы...
Они вздрагивают во мне.

Всем, дожившим до Сегодня

Вам,
Наши отцы и деды, —
Годами
Выбитая пехота;
Вам всем,
Дожившим
До Дня Победы
Две тысячи восьмого года;

Вам,
Задыхавшимся кашлем смертным
На забытых
Больничных койках;
Вам,
Пробившимися
Сквозь
Километры
Бумажных справок и горьких попоек;

Вам,
В заботливом равнодушьи нашем
Выстоять
Нашедшим силы;
Вам,
Эпохой Бессмертных ставшими,
Я прошепчу:
«Спасибо...»

Последние Ветераны

А ветеранов – просто убивают,
Сорвав награды с дряхлых пиджаков...
У нариков их торгаши скупают —
В коллекции праправнуков врагов...

А ветеранов – просто унижают
Пустой бритоголовой гопотой...
Они ведь – совесть, что так жить мешает,
И издеваться над страной родной...

А ветеранов – просто забывают,
И ждут, когда последние умрут...
И лживое насквозь начало мая —
Лишь повод, чтоб нажраться и сблвнуть...

Всем вам, кто пишет о ветеранах и о войне

Спасибо за то, что глаза не замылены;
За совесть; за стыд за родную страну...
Ведь павшее Прошлое выдало силы нам —
Чтоб помнили в Будущем эту войну...

Мы. Те, которые – от Москвы, через Клин, до Берлина

Не любили мы траурных маршей тогда —
Толку мало от них на погостах.
Там в могильных воронках вскипала вода
После крика надсадного: «Воздух!»
Но, забитые в землю, в болота иль в снег
По макушки кувалдою минной,
Мы упрямо вставали – и пятилась Смерть
От Москвы – через Клин – до Берлина!..

Там, в Берлине, устали менять мы стволы —
И долбили прямою наводкой.
И кирпичною пылью курились столбы
Частых взрывов... И выпитой водки
Не хватило, чтоб вытравить горечь потерь
И привычный вкус пироксилина.
Снится нам этот путь – и тогда, и теперь —
От Москвы – через Клин – до Берлина.

Сколько нас полегло. Сколько выжило нас...
У околиц – стоят обелиски.
Нас – списали. Но мы не уходим в запас,
Пусть – назло – и инфарктам, и спискам!
И на койках больничных в атаки идём
В маскхалатах, рыжевших от глины
И от крови... Как будто мы вновь – день за днём —
От Москвы – через Клин – до Берлина...

Наши внуки уже старше нас раза в три.
Да и правнуки выросли тоже.
Нам в глаза они смотрят. Вглядись же и ты,
В батальоны Бессмертных, прохожий.
Может быть, ты узнаешь кого-то из нас,
Может, вспомнишь из перечней длинных —
Это мы с твоим дедом в атаки не раз
Шли. С Москвы – через Клин – до Берлина...
От Москвы – через Курск – до Берлина...
От Москвы – через Брест – до Берлина...

ВОЙНА И МЫ

Мир. Без двух минут...

Мы сами городим границы...
И пограничные столбы —
Упрямством стянутые лица
И, в гордом трауре, гробы.

Мы сами забываем знаки
Рукопожатий и кивков.
Лишь пистолет в дрожащей лапе —
Нам повод для чужих грехов.

Здесь, уповая на разумность
Безумных в выражах машин,
Мы Гуманизм поймем как грубость,
А глупость – как полет души.

Надеясь – кто-то, может, стерпит,
Благословя в слезах, – простит...
Мы – дети, что играют смертью,
Зажав Вселенную в горсти...

От войны – до войны

А от войны и до войны —
Как от заката до рассвета...
И росчерком судеб ракета
Сгорает в крике тишины...
И воронью уже видны
Поля, заваленные тризной...
И содрогается Отчизна
В дни от войны и до войны..!
А от войны и до войны
Погоны тянут перекличку.
И в ненависти – нет различий:
Большой ли, маленькой страны,
Где от войны и до войны —
Два такта сердца. Вдох и выдох.
И Смерть торопится на выход
Под пенье пуль из-за стены...
Ведь от войны и до войны —
Табак и котелок со снедью.
Приходят письма вон к соседу,
А от моих – и не видны...
А от войны – и до войны —
Часы и дни... Четыре года
Всё шла кровавая работа,
Что бы дожить до той весны!
Там, от войны и до войны
Тогда казалось – мир надолго.
Но не успели даже волки
Оголодать, как снова мы
Сжимаем кулаки. И лица
Перекосило от вины.
И снова матерям не спится
От отголосков той войны...

Ответ на стихотворение донбасской поэтэссы Ирины Горбань «О человечности»

А кто-то —
пытается нас устыдить...
К рассудку
взывает кто-то,
К Скрижалям:
не лги,
не кради,
не убий!..

Лежит на снегу пехота...
За нею – просёлки,
поля и дома,
В подвалах —
их жёны, дети.
И Правда для них
на сегодня одна —
Чтоб выжить на этом свете;
Чтоб град был обычным – как снег или дождь;
Чтоб ночью не ждать обстрелов;
И чтоб за версту всем видна была ложь;
Чтоб белое – стало белым;
Чтоб дети без страха ходили в детсад —
Их детства никто не отнимет;
Чтоб эта дорога, ведущая в ад,
Быстрее заросла полынью...

Щастя

Это – Счастье – когда ты дома.
Это – Счастье, в нём рядом – дети.
Это Счастье – тебе знакомо,
И так дорого всем на свете!

Это – Счастье – пройтись с друзьями.
Это – Счастье – журавель в небе.
Это – Счастье. И было – с нами...
А теперь его просто нету.

Щастя нет – и не стало счастья
В повзрослевших глазах ребёнка.
Его стёр оружейный «ластик»
И разрыв прилетевшей бомбы.

И Бедою дома накрыло,
В них дымами вползает Лихо...
Здесь – для жителей – Счастье было.
А теперь – меж домами – тихо.

Лишь цивиркнет кузнечик робко
В огороде под бузиною.
Но уже зарастает тропка
Вся крапивой да лебедою.

Вот такой теперь – город Счастье —
Скоро полностью с карты сгинет...
Только кукла с табличкой «Настя»
У разбитой лежит витрины...

Вспоминание мёртвого снайпера

Под утро подошли к селу. Всё тихо.
Я винторез свой снял и автомат...
Пристроил к тыну СВДшку Тихон —
Мой лучший друг. Мой – просто – старший брат.

«Не ссы, Игнат, возьмём село без боя!
Там – старики. Да доньки их с детьми.
Пошарим в хатах. Барахло – с собою.
Себе вон – куртку новую возьми.

Едой затарься. Молодух потискай.
Потом – к погосту. Там у нас и сбор.
Но – не стрелять. Вдруг ополченцы близко...»
Погладил он винтовочный затвор;

И мы, скрываясь в зарослях малины,
Прошли в село. Там были три часа.
Мне этот день казался очень длинным...
И к вечеру забылись те глаза

Девчушки рыжей в платице коротком —
Его я очень быстро разорвал
За клуней. И своей ладонью потной
Зажал ей рот. Потом – на сеновал...

Мы затаились средь крестов могильных.
Над головами не слышать пичуг.
Истыкал Тихон веточками пыльник —
Он снайпер. Он молчит. И я молчу.

Его в Нововолынске ждёт Оксана,
И нас обоих – старенькая мать...
Вон чья-то тень. Но я пока не стану
Её из СВДшки проверять.

Мы ждём добычи более серьёзной:
Здесь скоро мимо «Скорая» промчит.
А там – «колёса». Метадон, возможно.
Вот наша цель. А то, что там врачи —

Так это их проблемы, а не наши.
Пускай не проявляют доброты...

Но у водилы был с собой «Калашник».
Теперь над нами – небо и кресты...

Война

Мне приснилось, что я – умер...
Мрак могильный надо мной.
Точит червь – и звук как зуммер —
Деревянный мой покой.

Тяжко, холодно и влажно.
Впереди годов – не счесть...
А каким я был отважным
С автоматом на плече!

А теперь – зачем отвага
В этой тёмной тишине...
Закопали гроб в овраге —
Кто ж тут вспомнит обо мне?

Как найдёт могилку мама?
Кто всплакнёт над бугорком?..
Всех Война косою кровавой
Прибрала в свой мрачный дом.

Что с того, что был я молод,
Что хотел геройским быть...
Мне теперь Могильный холод
До «Пришествия» любить!..

Мне приснилось, что я умер...
Разбудил ракетный вой.
Телефонный слышен зуммер
Под разгрузкой... Я – живой?..

Просто – солдат

Солдат на то солдат, чтоб – умирать.
За то присягу принимал когда-то.
Да, будет выть жена и биться мать,
Захлёбываясь в плаче по солдату...

Да, было б лучше, если был бы жив,
Учил бы сына и следил б за дочкой.
Но – вот кто будет честью дорожить,
И защищать тот «синенький платочек»?

Кто первым подниматься будет в бой,
Кто за других своё положит тело,
Когда слетает Смерть на кровопой
С небес стальной и огненной метелью?

Кто хочет жить, зовя своих в бреду
В палатке, провонявшей хлороформом...
Спроси того: «Пойдёшь опять?» – «Пойду.
Вот залатают дырки, ну и – норма!»

Кто ж прячется за спинами отцов,
Щитом кто гонит женщин по дорогам,
Тот – не солдат, тот – гуль из мертвецов,
Без будущего, без Души, без Бога.

Ну, а солдат, погибший за других —
На то солдат – в потомках возродится...
И жизнь его – короткую, как миг —
В своих узнаем судьбах, детях, лицах...

Враги и друзья

Бывает «бывшим» друг... А враг не станет братом —
На то ведь он и враг, с которым грудь о грудь...
Но, только потому, что я и он – солдаты,
Гражданских убивать нам западло? Забудь.
Присягу принимать – и выть в горелой хате,
В воронке хоронить остатки от детей...
У тех, кто убивал, есть тоже диты, матери.
И – есть ещё – война. В ней правила не те,
В которых: храбрость, честь и благородство – вместе,
В которых: убивать гражданских – западло.
У той войны в ходу – жестокость и бесчестье;
А жертвенность – как грех. А доблесть – просто зло...
Бывает «бывшим» друг... Врагом который станет,
И будет на дома из неба сеять ад;
И фосфор будет тлеть в сиреновом тумане;
А пьяненький солдат пред смертью вспомнит мать...

МИР НАШ

Доброе утро. Начинаем нашу...

Обещали под тридцать, без осадков, без ветра...
Утро было дежурно-спокойным, рабочим.
Торопились машины, жгли собой километры.
Кто-то – был в настроеньи, ну, а кто-то – не очень.
Новостийные ленты обсуждали Европу,
Биржу, санкции, войны, продвиженье хай-тека...
Где-то в Африке «Гринпис» спас одну антилопу;
Вновь Америка бьётся за Права Человека...
Люди шли на работу, улетали на пляжи;
Утверждались на подпись репортажи и сметы;
И из клубов домой шла усталая стража...

А в Москве под землёю Смерть ждала свои жертвы.

Память беды

К чему орать, и в хрипе спорить,
Кликушам разным потакать.
Здесь вновь на Сушу вышло Море —
Чтоб и калечить, и ломать.

А Суша, содрогаясь в боли,
Забыв – чей флаг здесь, чей народ,
Всё множит, множит страх и горе —
В запас, на сотню лет вперёд...

Людские Жадность, Зависть, Злоба —
Ничто в сравнении с бедой...
Забыли, стоя там, у Гроба,
Что Он – висел за Нас с Тобой!

Слова молитвы с губ слетают —
Бессвязной, искренней, живой:
«Спаси их! Ты же – можешь, знаю!
И пусть живут! Как мы с Тобой...

Мы помним всё. Но – всё простим мы,
Как встарь заведено в Руси...
...Ты колокол из Хиросимы
Услышишь в взрывах «Фукусим»»...

Русский характер

Нам твердят испокон, что удел наш – Терпенье,
И что против течения прёмся мы зря —
Всё равно мы сопьёмся. И наши деревни
Обезлюдят. И жито сгниёт на полях...
На авось – всё, всегда... Злы в работе и в драке.
Безграничны в веселье. И верим во всё.
Даже тот, у кого жизнь проходит в бараке —
Эту жизнь, будто факел в ночи, пронесёт...
Даже тот, кто поносит премьеров, дефолты,
И знаток всех политик уже сорок лет —
Говорить будет всем, в горло рвущей икоте,
Что богаче и краше Страны в мире нет.
Даже тот, у кого и Душа нараспашку,
Да и Сердце любви не забыло порыв,
Не потерпит, когда его Родину – Рашкой
Обзывают, глумясь... До Голгофы-горы
Он свой крест пронесёт – в сапогах, в телогрейке,
И врагов он простит – и поможет им встать...
И останется в памяти всех поколений
Он – Солдатом. Которому родина – Мать;
Тот, который стоит у любого посёлка,
Тот, который – назло всем – не сгинул в вине,
Тот, кого до сих пор – до дрожанья в печёнках —
Так боятся фашисты сегодняшних дней.

Памяти Сергея Бодрова

Тьма за стеной, брат,
Мутной каймой – снег.
Был ли вчера закат?..
Будет ли вновь рассвет?..

Капель глухой стук;
В коме застыл мир...
Предал кого друг;
Враг ли кого простил...

Трудно искать путь.
В Цирке – полно мест...
Кто-то вопит: «Распнуть!..»
Кто-то – возьмет крест.

Явится Конь Блед.
Пламя исторгнет хлад...
Будет ли вновь Рассвет? —
Только пока – закат...

Выбор

«Из двух дорог выбирай всегда третью» – Дж. Лондон

Выбор во всём: дверь закрыть, иль – с дороги свернуть;
Выйти, не глядя, на длинный безлюдный перрон;
Иль – упереться, постылый продолжив свой путь;
Иль – наобум – перепутать названья сторон...
С правой руки – брать, и в левую руку – давать;
В небо глядеть – и нырять в подземелья столиц;
Ждать, что войдёт в дверь давно уж ушедшая мать;
Гнать с подоконника кем-то прирученных птиц...
Слушать враньё, что надеется правдою стать;
Врать самому, удивляясь отсутствию лжи.
Знать – за дверьми не стоят ни отец и ни мать,
И продолжать – вопреки – просыпаться под утро.
И – жить.

Всё, что могу

Памяти поэта Алексея ДИДУРОВА

По мотивам его стихотворения «Из письма к N.N. («.. ибо горе безмерно, и слово – посудина явно не та...»)»

...ибо горе – безмерно... И сам я повис в пустоте
Стёкол глухооконных витрин, равнодушно рисующих небо.
И кого в нём увидеть хотеть, чтоб прямо спросить про Предел,
Отделяющий эту вот быль от другой, что для всех будет —
небыль?
И кого ещё жаждать – захлёбываясь, как от любви —
Чтобы вновь рассказать задымлённые смыслами строчки?
И – с улыбкой отчаянья – ртом, будто – капли, ловить
Эти сладостно-горькие буквы в помятых почтовых квиточках,
От которых, поверьте, ничто, кроме штампов и букв,
Ничего, кроме как воспоминаний – в размытом чернильном
тумане,
Не осталось совсем. Но вот только – покажется вдруг —
Что последняя эта посылка ещё не отправлена – Маме...
Что – как в детстве – вдруг вспомнишь, что есть кроме
Жизни – и Смерть.
Не поверив, что есть. Семилетние в это не верят...
Но – проснуться от всхлипа. И рот зажимаешь – чтоб
не посметь
Застонать от одной только мысли, что Жизнь – это тоже
потери...
Ведь отец – не вернётся с больничной кровати своей,
Раздирая пространство – как простынь – рукою, пока ещё
сильной;
И не крикнет оттуда. Не шепнёт... Только клёкот тупых
голубей,
Что давно весь асфальт под окном не спеша превращают
в красильню...
И слова уже будут – пустыми. И будут – не те.
Как торты все – не то, когда хочется чёрного хлеба.
Ибо горе – безмерно. И сам я повис в пустоте
Стёкол глухооконных витрин, равнодушно рисующих небо...

Маме

«Ты создана для примиренья
Среди миров...». Вздохнув опять,
Ты уронила на колени
Свою совсем седую прядь.
И больше не было заботы,
Чем та, которой ты живешь.
Сегодня проводил с работы
Меня с тобою схожий дождь.
И ветер на мгновенье охнул —
И, не дыша, смотрел вослед,
Как ты упрятала тревогу,
Которой, может, тыща лет!..
Ему, наверно, показалось —
Средь равнодушия шагов —
Где ты стояла, там осталась
Кровинка сердца твоего...

Памяти мамы

Всё так же день сменяет ночь,
И вместо снега – дождь и слякоть.
И из души уходит прочь
Печаль, устав казнить и плакать...

Все так же по утрам встаю,
Все так же еду на работу,
И также ем, и так же сплю... —
Все машинально, без охоты.

Все так же с Машею мирюсь,
И спорю с сыном я упрямо..,
И – продолжаю жить. И – пусть...
Вот только нету больше мамы.

Раскаяние

Лишь только тогда, когда с нами рядом нет близких;
и только тогда, когда рядом не стало родных;
тогда, когда мир сквозь слёзы – кроваво-сизый;
а каждое слово – как будто удар под дых...
Тогда только вдруг понимается грубость ошибок,
ненужность молчания, и ссор, что острее стекла;
лишь только тогда вспоминается мягкость улыбок...
И так не хватает рук материнских тепла...

Другу юности Погодину А. С.

Вот клин журавликов бумажных
За клином журавлей летит...
Смотрю на них, – мне очень важно,
Что их никто не запретит;

Что – как бы не было нам туго
От всех бесчисленных потерь —
Письмо далекое от друга
Летит сквозь времени метель;

Что – на земле цветок посажен;
Что – кто-то любит. И – простит..;
Что клин журавликов бумажных
За клином журавлей летит...

И пусть мой будущий сынишка
Возьмет – и сложит из газет
Журавликов. В закате рыжем
Они летят. Вперед. На свет...

Другу

(Погодину А. С.)

Я приеду тогда, когда ждать перестанут,
И устанут надеяться, верить, желать...
Когда мне надоест быть затворником старым,
И простые слова на бумаге рожать...

Я приеду, быть может, на этой неделе, —
Только эту неделю мне надо найти,
Что бы в ней так знакомо гитарно звенели
Провода поездов в долгожданном пути...

Я – приеду. Пусть даже забудут, что есть я!
Лишь бы я не забыл тех коротких минут,
Когда кто-то ногой ворошил снег и листья.
Я приеду... Я, может быть, просто – приду...

Непозабытому другу

Дружить – секундами не жить;
И – забывать; и не встречаться;
Не приставать с мольбой: «Скажи,
Что ты...". Когда-то, может статься,
Вдруг промелькнёт, – как палый лист,
Взвихрённый ветром, – сожаленье, —
Что вот ты был (в той жизни) лишь...
Лишь мановеньем
Вдохновенья...

Про особенности русского слова

(навеяно стих-ем Андрея Орлова (Орлуши) «про тайный чемодан Довлатова»)

Как-то в «Юности» взял Довлатова —
Чтоб на «синьку» копию снять...
Вышел текст полустёрто-матовым,
Разобрать лишь «Абанамат!»
Что поделаешь... Может, скажет кто —
Почему популярен так
Мат российский? И не инкогнито —
А конкретика: мол, му... к!
Ох, давай!.. Обложи по матушке
Трёхэтажным, на цвет и вкус!
Жарим мы – но не те, оладушки —
Так, как жарить умеет рус:
И с-под вывертом, и с припевочкой,
Органично вплетая в речь.
И краснеют влюблённо девочки,
И плюют на девичью честь!..
И вошло уж в привычку: милуясь,
Или – ссорясь, придя домой,
Мы своею словесной «силою»
Так гордимся, что «боже мой!»
Вот уже и «творец истории»,
И поэт, и писатель всяк
Устно, письменно, в консисториях
Изъясняется как «босьяк»...
Да, богата ты, Русь, талантами,
Знаменита в миру, в бою!
Только вот лишь «абанаматами»
Узнают нас в любом краю...

Язык России

Язык России – с чем он схож?
На нём ты говоришь, поёшь.
Его безбрежность узнаёшь
В полях, где колосится рожь;
В неспешном шорохе дождей;
В аллеях лип и тополей;
В хрустящей корке хлеба. В насте,
Хрустящим под ногами. В счастье
Услышать, просыпаясь, мать...
И – будто тайну – узнавать
В касаниях девичьих рук
Звёзд перезвон и сердца стук...

Язык России – с чем он схож?
С Землёй родной, чей стон и дрожь,
Когда по ней идут враги,
И топчут рожь их сапоги.
И в речи нашей отражён
И клич бойца, и сечи звон;
Рыданья матерей и жён
Над теми, кто лежит, сражён...
Язык России – как судьба:
По Жизни вместе с ним идя,
Поймёшь, что он, создав тебя,
Похож на всё. Предать – нельзя...

Потом...

Всё равно нас когда-то не станет...
Все года поменяют местами;
Скаты крыш – как ночными мостами —
Разведёнными станут меж нами...

Над другими главами кружиться
Будут звёзды – как чьи-то синицы.
И друг в друга вникать будут лица —
Но не наши. В не наших столицах...

Уже внуки состарятся даже.
Пожелтеем на фото мы нашем.
И другие Серёжи и Маши
Будут жить – и достойней, и краше...

Ну, а мы – как реликты нейтронов —
Будем мчать по вселенским просторам,
И мечтать, что когда-нибудь тронут
Вспоминанья о нас...
И – вернёмся...

Политика и публицистика

Ещё раз о таком простом понятии как патриот

или – комментарий к статье блогера, телеведущего, автора рубрики «СМОТРИТЕЛЬ» Евгения Енина «Можно ли любить Родину фрагментами?..»
<http://ekb.dk.ru/news/mozhno-li-lyubit-rodinu-fragmentami-grud-nravitsya-zadnitsa-ne-ochen-nogi-vau-237083546>

« – Слушай, ты у своей жены что больше всего любишь? – Глазки, носик и губки... А что? – Надо же, не угадали! А мы тебе ляжку оставили...»

Из беседы людоедов

«Любовь к Отечеству есть ненависть к его недостаткам и стремление к их скорейшему искоренению».

Чаадаев П. Я.

Примерно такой же смысл и статьи Е. Енина, телеведущего, блогера и т. д. и т. п. Претендующего на роль «инженера душ человеческих». А по сути – недоучки, двоечника, корчащего из себя всезнайку и якобы умудрённого опытом человека, который присвоил себе право поучать других... И таких вот блогеров в последнее время развелось – ну как в той самой поговорке...

На эту статью наткнулся совершенно случайно. И, читая её, начал приходить к твёрдому убеждению, что именно у таких людей понятие «Родина» ассоциируется с понятием «Там, где мне хорошо»... Но – разберём по порядку – чтоб не прослыть пустобрёхом и возводящим напраслину на такого уважаемого человека.

Итак, первое. *Цитата: «Проблем с патриотизмом несколько. Первая – хрен его знает, что это такое».*

Да-а, дожить до его лет – и не знать суть такого простого слова – это надо ведь постараться... И так постараться, что обратиться за помощью в Википедию. Забыв напрочь о таком простом способе восполнения своего пробела в образовании как обращение к русским толковым словарям – того же Даля, Ушакова... Которые раскрывают этот термин в его русском понимании. Если, конечно, Е. Енин не причисляет себя к французам, немцам, англам или американцам...

А что у нас в этих толковых (т.е. – расТОЛКОВЫВАЮЩИМ непонятливым) словарях сказано? А вот что: По словарю Ушакова, патриот (греч. patriotes – земляк). Человек, преданный своему народу, любящий своё Отечество, готовый на жертвы и совершающий подвиги во имя своей Родины... Заметьте – от слова «ЗЕМЛЯК», который родился на «земле отцов» (по большому счёту – на земле своих предков), то есть – в ОТЧИЗНЕ, ОТЕЧЕСТВЕ, и готовый потому защищать своих других ЗЕМЛЯКОВ, свой народ (если он не иуда и не скурвился) от любой напасти – как внешней, так и внутренней.

У Даля: патриот – любитель отечества, ревнитель о благе его, полный любви к отчизне... То есть – то же самое – тот, кто живёт на земле своих предков, любит эту землю (территорию), радеет о её – этой земли – благе (ревнитель, радетель – беспокоящийся, равнодушный к судьбе, проблемам, прошлому, настоящему и будущему своей Отчизны, старающийся всё сделать для её (а не государства! – с которым отождествляет понятие Родины господин блогер)

благополучия, процветания и независимости. Просто по той причине, что он живёт со своими земляками в своей Отчизне.

Вот и всё. Понятно всем.

Кроме интеллигентствующего г-на Енина. Чьи рассуждения и подтверждают это:

Цитата: *«Патриотизм – это любовь к Родине. Что-то такое мы подозревали, правда? Но позвольте поинтересоваться, Родину нужно любить всю, целиком? Потому что я, например, не уверен в своей любви к Дальнему Востоку. Мы не знакомы. А любить по фотографиям у меня не получается. Те части Родины, которые представляют из себя ямы на дорогах, грязь на тротуарах, я не люблю точно. Болота как-то не очень».*

Хочется спросить у Е. Енина (про женщину уже упомянуто, но это не совсем точное и не всегда корректное сравнение): А свою квартиру он тоже любит местами – гостиную любит постольку поскольку, прихожую – по необходимости (иначе не попадёшь в жилище), санузел – «Фу!», а спальня – «Вау!». Ведь это квартира полностью его, правильно? А по логике (блогерско-телеведущей) получается, что если что-то ему в его квартире не особо нравится, то можно это и убрать (удалить из общего жизненного пространства, подарить, продать, пустить туда других и т.д.). Что, пойдёт на такое со своим пристанищем вышеупомянутый журналист Енин? Вряд ли. Ведь это всё – ЕГО. Каким бы это ни было, и как бы к частям своего жилья ХОЗЯИН этой квартиры ни относился (к полной окурков пепельнице или не вынесенному мусорному ведру, к скомканным несвежим простыням или к заваленному хламом балкону и антресолям).

Радеющий о БЛАГЕ, о БЛАГОПОЛУЧИИ, ПОРЯДКЕ и УЮТЕ своего жилья НАСТОЯЩИЙ ХОЗЯИН не будет задаваться вопросом о «любимых-нелюбимых» частях квартиры (дома, участка, территории, где он живёт. И где живут его родные, близкие, друзья-товарищи – т. е. ЗЕМЛЯКИ). Он просто будет постоянно содержать в ПОРЯДКЕ и ЧИСТОТЕ всю свою территорию, за которую чувствует ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Так как это ЕГО территория. И его отцов-дедов-прадедов. Которую, к тому же, унаследуют его дети, внуки, правнуки. Территорию под названием Отчизна, Родина.

Алексей Толстой о патриотизме написал так: «Патриотизм – это не значит только одна любовь к своей Родине. Это гораздо больше... Это – сознание своей неотъемлемости от Родины и неотъемлемое переживание вместе с ней её счастливых и её несчастных дней». Видите, всё как просто? Но в представленной статье мы видим, как навязываемое блогером обществу утилитарное представление об отношении к своей Отчизне вызывает инстинктивное отторжение, и читатели, я надеюсь, всё равно исподволь стараются найти в ней нечто большее. Под названием «любовь к своей Родине». То есть – ПАТРИОТИЗМ.

Но автор разбираемой статьи упёрт всё равно (цитата): *«Можно ли любить Родину фрагментами? Ну, там, грудь нравится, задница не очень, ноги – вау? Березки любим, крапиву – нет, Москву любим, Челябинска пугаемся? Я сейчас не нарываюсь на 282-ю, я правда не понимаю...»*

Да, куда уж там понять такие простые истины такому интеллектуалу... Кстати, видимо, г-н Е. Енин стопроцентно знает и уверен в своих знаниях, что его предки, предки его родных, близких, знакомый друзей-товарищей (т.е – ЗЕМЛЯКОВ, которыми, думается, он дорожит) не упокоились своей смертью или не погибли, защищая то, что им дорого и памятно (не в смысле денежного эквивалента, как нас пытается подвести читателя к этой мысли блогер) где-нибудь в захолустном городке на невзрачной окраине нашей необъятной страны. И подозреваю, что у Е. Енина даже и фотографий тех мест нет, в отличии от фото Дальнего Востока. Или Челябинска... Вот такой «выборочной» любовью упомянутый телеведущий и предаёт своих родных, близких, друзей-товарищей... Но – о предательстве чуть позже.

А здесь мы подходим к следующему тезису автора разбираемой статьи. **Цитата:** *«Из любви человека к человеку много чего следует, от мастурбации до Троянской войны, но есть генеральная линия: цветы, постель, свадьба, дети, развод. Мы примерно пони-*

маем, чего ожидать от человека, говорящего „люблю ее/его“. А какие действия ожидать от человека, любящего Родину, от патриота? Он не бросает окурки из машины? Он платит все налоги? Он не ездит в отпуск за границу, это как-никак измена?»

В понимании Е. Енина любое проявление чувства любви должно быть сопряжено: а) – с получаемым индивидом удовольствием от проявления этого чувства к кому-либо (даже к самому себе, любимому – «мастурбация») или к чему-либо; б) – с приобретаемыми материальными благами вследствие оказания этого чувства кому-то или чему-то (т.е. – как бы одолжение: я тебя люблю, а ты мне за это... – по перечню); в) – с отсутствием каких-либо обязательств со своей стороны к объекту проявляемых чувств – тогда и происходят разводы, бросание своих детей, измены (всё равно – кому или чему); г) – с полной свободой менять объекты приложения своих чувств при отсутствии пунктов а) и б). Вот такое опошление и чисто потребительское отношение к одному из самых высоких и божественных проявлений человеческой Души...

Поэтому дальнейшие рассуждения блогера и телеведущего Енина вполне понятны. **Цитата:** *«Даже совместно прожизвания ожидать не приходится: если есть финансовая возможность разъехаться, любовь к Родине особенно хорошо ощущается в районе Лазурного берега».*

Конечно, со стороны Лазурного берега, или из шале в Швейцарских Альпах, или даже из «обычной» квартиры в центре Лондона очень хорошо видеть в собственной стране всю грязь, бедность и неустроенность многих (ох, очень многих!) регионов собственной Отчизны. Только вот при таких рассуждениях как-то не надо забывать, что в любой стране (и наша – не исключение) любому иностранцу или туристу всегда показывают отлакированный красочный благополучный фасад, и прячут (или – просто не выпячивают) неудобные или неблагоприятные виды обычных будней обычных граждан.

Но блогер забывает. Ему так удобнее продолжать извращать стремление любого нормального человека любить свою Отчизну. Землю отцов, значит. И – значит – помнить о том, чья это земля, её историю, её великих людей. И её предателей. **Цитата:** *«Да, от патриота можно ожидать, что в определенных обстоятельствах он возьмет в руки оружие. Но вот куда он его направит, не угадать. В гражданских войнах сражаются патриоты, они любят Родину и готовы умереть за ее счастье. Точнее, убивать за ее счастье. Только представления о том, что составляет счастье для Родины, у них разное. Я больше скажу, русские, воевавшие на стороне нацистов, полагали, что их Родине будет лучше с Гитлером, чем со Сталиным. Негодяи, идиоты, преступники, но – патриоты. Да и самого Гитлера в отсутствие любви к фатерланду не упрекнешь».*

Да, вроде бы как всё правильно сказано. Но – «дьявол кроется в мелочах».

Как хочется интеллектуалу Енину, чтоб ненавидимый и презираемый им Патриот направил своё оружие против тех, кто вытягивал и вытягивает страну из кризисов и ям, подстраиваемых и выкопанных «заклятыми друзьями» его Родины с Лазурных берегов или с туманного Альбиона. Либо друг против друга.

Вчитаемся в представленный тезис. Что видим?

Первое – по поводу гражданской войны: стороны конфликта не за свою Родину воюют, т.к. они и так находятся на ней, а не на чужой территории. Они воюют за идеи. За собственное Счастье (который каждый видит по-своему). И каждая из сторон конфликта считает, что её идея даст её Родине больше благ, пользы, даст Будущее. Потому такие войны самые страшные. Потому о них и говорят, что «брат пошел на брата, а отец – на сына». Но, будучи настоящими патриотами своей отчизны, они никогда не допустят, чтоб в эту их беспощадную и кровавую братоубийственную войну вмешался кто-то третий. И не позовут того на подмогу. Как Деникин до последнего отказывал французам и англичанам ввести свои экспедиционные войска на юг России, держа их корабли на приколе в черноморских портах. Потому что понимал, что в случае победы придётся расплачиваться своей собственной отчизной, её ресурсами, территорией.

Но не все (с обеих сторон) в Ту гражданскую это понимали. Потому и была интервенция и на Украине, и на русском Севере, и на Дальнем Востоке... И унесла она никак не меньше жизней, чем сама Гражданская война.

История, как известно, не терпит сослагательного наклонения. И только писатели с разной степенью таланта пытаются порассуждать на тему «Что было бы, если бы...». Потому его гипотетическое: «... *русские, воевавшие на стороне нацистов, полагали, что их Родине будет лучше с Гитлером, чем со Сталиным.* (Кстати, этот тезис упорно продвигает ещё один «российский» поэт, писатель и блогер Дмитрий Быков). *Негодяи, идиоты, преступники, но – патриоты. Да и самого Гитлера в отсутствии любви к фатерланду не упрекнешь*» было и остаётся его гипотезой, которую он хочет выдать за истину. Чего уж тут антимионии разводиться, если это так и есть. В смысле – в его извращённом блогерском уме та и есть.

Начнём с того, что просто посмотрим, кто тогда из русских (я не говорю о других национальностях) воевал на стороне Гитлера.

Итак. Первая категория – эмигранты. Те которые покинули своё отечество в годы Гражданской войны. И, естественно, ненавидевшие Советскую власть и всё, что связано с нею. Так вот, из более чем 3,5 миллионов (!) эмигрантов в Старом и Новом свете приветствовали нападение Гитлера на свою бывшую Родину около 400 тысяч человек, а воевали против неё всего около 80 000. Преимущественно, это так называемые «белоказаки», которые, прельстившись лозунгом Краснова о создании своего казачьего государства на юге России, покинули приютивших их югославов, и воевали в тех же местах, что и в Гражданскую. А потом, когда немцы начали отступать после Сталинграда, командование Вермахта убрало и остатки казачьих войск с фронта и перебросило на борьбу с югославскими партизанами, (именно большинство югославов приютило в своё время у себя белоэмигрантов из числа казаков), которые своими партизанскими действиями весьма досаждали немцам. Вот такая благодарность этих «патриотов» тем, кто когда-то дал им кров...

Небольшая часть эмигрантов, осевших во Франции, Бельгии, странах Скандинавии – порядка 8—10 тысяч – так же примкнули к *«победоносной немецкой армии, несущей свободу, демократию и освобождение от рабства варварским народам СССР» (из речи Геббельса).*

Но большая часть русских эмигрантов приняли известие о нападении Германии на СССР как собственную трагедию. Многие из них разными способами стали бороться с нацизмом или просто помогать этой борьбе. Мало кто знает, но в период с осени 1941 года по осень 1944 года различными зарубежными Союдами и Объединениями эмигрантов России было собрано и отправлено через нейтральные страны, а иногда – и просто нелегальными курьерами – в СССР около 150 млн. долларов. Через Общество Красного Креста эмигрантские организации собрали и переправили в Россию более 100 тонн верхней одежды, 1 800 тонн продовольствия. В том числе и с помощью тех же «северных караванов, таких, как трагически знаменитый Конвой **RQ-17**. Такая вот помощь своей Родине, которую они покинули когда-то.

А кто стоял в начале организации Французского Сопротивления? Сами французы стыдливо о том умалчивают. Почему? Да просто потому, что организовали движение Резистанс – русские эмигранты, которые не смирились, подобно большинству французов, с оккупацией немцами их второй родины – Франции. Кстати, среди них был и сын Бориса Савенкова, того самого эсэра-террориста, которого чекисты расстреляли. А сами французы первое время, трясясь за своё мнимое благополучие или желая просто отличиться перед новой властью, охотно выдавали оккупационным властям своих русских друзей.

И только потом, потихоньку прозревая, да и под давлением многих обстоятельств, начали примыкать к Сопротивлению, якобы воодушевившись не только примером своего генерала де Голля, но и упорством этих «непонятных им русских». Кстати – на стороне гитлеровцев воевало практически столько же французов, сколько боролось их против фашизма в рядах маки, у де Голля или в нескольких частях и подразделениях в СССР, а так же в Англии и в США...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.